

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В СТИХОТВОРЕНИИ АРРИГО БОЙТО «НОВЫЕ ДОМА»

А. А. Сапёлкин

Дальневосточная государственная Академия искусств

Поступила в редакцию 2 августа 2014 г.

Аннотация: статья посвящена стихотворению «Новые дома» Арриго Бойто – классика итальянской литературы. Стихотворение рассматривается в сопоставлении с сочинениями трех французских поэтов на аналогичную тему. Впервые выявляется социальный аспект стихотворения Бойто, не определявшийся исследователями прежде.

Ключевые слова: Бойто, либретто, Парнасская школа, строфика, метрика, социальный аспект.

Abstract: the article deals with the poem *Case Nuove (New Houses)* by Arrigo Boito, an Italian poet and composer. The poem is considered in comparison with the verses of three French poets on the same theme. For the first time, the social aspect of Boito's poem has been revealed that escape literary critics' attention.

Key words: Boito, libretto, Parnassian school, strophic form, metrics, social aspect.

Арриго Бойто (1842–1918) – итальянский композитор и поэт, как он значится в тех справочных изданиях, в которые включено его имя, – в России известен немногим: его знают, главным образом, как автора либретто двух последних шедевров Джузеппе Верди (1813–1901) – опер «Отелло» (1887) и «Фальстаф» (1892). Между тем на родине имя Бойто широко известно и почитаемо. Он считается «одним из самых значительных деятелей в области искусства и культуры Италии рубежа XIX–XX веков» [1, 9]; «в истории итальянской культуры он занимает место поистине исключительное» [2, 13–14]; «Бойто заслуживает того, чтобы считаться великим писателем, одним из самых великих в XIX веке» [3, 25]. При этом творческое наследие Бойто в области литературы оказалось очень скромным: оно включает в себя поэтический сборник «Книга стихов», поэму–сказку «Царь Вепрь», пять прозаических новелл (из которых одна осталась незавершенной, а вторая была опубликована лишь в 1981 году), одну театральную пьесу, написанную в соавторстве, а также около десятка либретто – жанра, который традиционно считается «второстепенным» (см., напр., [4, 7–20]). Но и этого хватило, чтобы Бойто снискал себе репутацию одного из ведущих поэтов Италии, изучению творчества которого посвящена обширная литература. «Бойто создавал не вширь, но вглубь», – замечает в связи с этим один из авторов [5, 138].

«Книга стихов» – самое значительное собрание стихотворений Бойто. Оно представляет собой поэтические опыты юного еще автора, которые создавались в период 1862–1867 годов, но только неко-

торые были опубликованы в свое время в различных периодических изданиях. Впервые большинство стихов Бойто было собрано и издано отдельной книжкой в 1877 году туринским издателем Франческо Казановой, которому сборник и обязан своим нынешним названием. Стихотворение «Новые дома» (*Case nuove*) датировано в нем 1866 годом [6, 16–18] и, следовательно, было создано в период осуществлявшейся в 60–70-е годы XIX века масштабной перестройки Милана – города, взявшего на себя роль промышленного центра новой, объединенной Италии. Стихотворение примечательно своей метрической структурой с прихотливо меняющимся числом стоп в строках и нарочито несимметричной строфикой, а также композицией, отличающейся сложной системой рифмовки: она представляется хаотичной, и Бойто подчеркивает это словами, что весь город, переживающий лихорадку грандиозной перестройки, пребывает в таком же беспорядке, как и написанные им строки.

*Цапкам, молотам, пилам,
Топорам и зубилам,
Инструментам, несущим разрушенье,
Раздолье ныне! Мир, от пыли черный,
И род людской – в движенье
Стремительном, как с высоты паденье.
И что ни день – возводится по дому,
Чьи фризы тошнотворны.
Скрежет, грохот топорный,
Заполняйте весь мир, подобно грому,
Славным гимном известке и проспектам!
Горе, горе поэтам!
Шакалов и свиной род недалекий
Всем заправляет нынче, правя светом,
И древний город сделался объектом*

*Их лихорадки, – весь он в беспорядке,
Как эти строки [16]¹.*

В смысловом отношении стихотворение можно разделить на две части по семнадцать строк в каждой. Первая, приведенная, посвящена самим разрушениям, и общий ее тон – негодующий. Во второй части оплакивается безвозвратно уходящая старина, которая представляется идиллической, и тон повествования варьируется от меланхолического до горько-иронического.

*И с юга прилетая,
Резвых ласточек стая
Не находит в карнизах гнезд привычных.
Всюду рушатся стены обжитые
От кувалд методичных,
Сотни сносятся кровель черепичных.
Духи предков святые
Жилища вековые –
Кров поколений –
Стеная, покидают роем теней.
Все жилища бесстыдно обнажили,
Словно на продаже:
Виден альков и клозет тут же рядом,
Чтоб их прикрыть, нет занавески даже.
Пути, как для незрячих, проложили:
Даже вслепую – подойдешь вплотную
К глухим громадам.*

Нельзя сказать, чтобы тема современных преобразований в большом городе была в поэзии совершенно новой. Чуть раньше, в середине 50-х годов того же столетия, не менее, а то и более масштабной перестройке подвергся Париж, что нашло отражение в творчестве ряда французских писателей и поэтов. Шарль Бодлер встраивает тему перестройки Парижа в стихотворение «Лебедь» (*Le cygne*), включенное в сборник «Цветы зла» [7, 150]. Сама эта тема не является в данном сочинении доминирующей, а служит просто аллегорией [8, 174–175]. Тем не менее, несколько строк, в которых она представлена, хорошо передают настроение автора и его отношение к переменам.

*Былой Париж исчез... (меняется обличье
У городов быстрей, чем у людей сердца!) [...]*

*.....
Меняется Париж! Но грусть моя – нимало;
В лесах строительных домов огромных ряд,
Всё аллегорией в моем сознание стало,
Но память о былом тяжеле всех громад.*

Более яркое звучание тема уничтожения старины представлена в стихотворении «Разрушения» (*Démolitions*) из сборника стихов «Фестоны и астрагалы» (1859) примыкавшего к парнасцам французского поэта и драматурга Луи Буйле (1822–1869) [9, 110–112]. Поэт предельно реалистично представ-

ляет картину домов, подготовленных к сносу, находя выразительное сравнение этих домов с разоренными птичьими гнездами.

*Домов, на гибель обреченных,
Нутро тяжелый молот вскрыл;
Вид этих кровель оголенных,
Как гнезд разрушенных, уныл!*

*Когда я вижу вдоль бульваров
Под саваном из облаков
Каркасы их, как из кошмаров,
Как призраки былых веков,*

*Когда их внутренность бесстыдно
Для глаз чужих обнажена
И всем очаг столетний видно,
Что прежде прятала стена;*

*.....
Мне сердце болью наполняет
Нечестье этих перемен,
И гневом – молот, что являет
Толпе все тайны старых стен.*

В ходе перестройки Парижа были снесены целые кварталы города: Сент-Антуан, Сен-Мартен, Сен-Дени, Латинский квартал... [10, 192]. Многие из них были хорошо известны по произведениям французских писателей, включая В. Гюго, Э. Сю, О. де Бальзака, А. Мюрге, Ж. Жанена и многих других. Негодующий тон поэта вполне понятен, но внимательное чтение обнаруживает, что автора возмущает не сам факт разрушения старых домов, которые должны дать место новым, а то, что глазам стороннего наблюдателя открылась внутренность этих домов, что посторонним стало доступно то, что скрывалось за их стенами, что являлось интимным и сокровенным. Поэтому происходящие перемены представляются автору «нечестивыми», т. е. святотатственными.

*Камины, что века их грели,
И в стужу, и в ненастья дни,
Где деды у огня сидели,
Мешая в топках головы;*

*Мансарда, где поэт, как в нише,
Вдали от мира пребывал
И гнездам ласточек под крышей
Мечты о славе открывал.*

*О жертвы поруганья злого!
День выставляет сотням глаз
Все – от любовного алькова
До ложа смерти – напоказ!*

Отчаявшись найти защиту от святотатства у людей и Высших Сил, поэт призывает силы природы прийти на помощь преданным на поругание семейным очагам. Он призывает растения пробить асфальт – то есть сокрушить то, что создано людьми, – и скрыть внутренность домов от посторонних глаз.

¹ Все поэтические примеры даны в переводе автора статьи с сохранением строфики, метрики и системы рифмовки оригиналов.

*Обвейте их, плющи с вьюнками,
Асфальт пробивши, взвейтесь ввысь,
Чтоб мог за вашими листками
Тот мир от глаз чужих спастись.*

Буйле завершает свое стихотворение строфой, в которой выразительно уподобляет дома, подготовленные к сносу, кладбищенским могилам. Только первые производят на поэта более тягостное впечатление, поскольку их окружает шумная жизнь, и от этого контраст между уже мертвыми, но еще существующими домами, и могилами, воплощающими смерть, становится еще более глубоким.

*В гробах безжизненных при свете
Я тени прошлого открыл,
Но в шуме жизни склепы эти
Мрачней кладбищенских могил.*

Мотив святотатства, заключающийся в том, что внутренность домов выставляется напоказ, роднит стихотворения Бойто и Буйле и свидетельствует о том, что Бойто был, несомненно, знаком с произведением французского поэта. Общим для двух сочинений является и мотив орудий, совершающих разрушение. Сам процесс разрушения для французского поэта не столь важен, поэтому из инструментов, с помощью которых этот процесс осуществляется, он называет лишь молот (*marteau*), строительный топор (*cognée*) и железную лапу (она же грейфер – *grappin*), тогда как у Бойто арсенал средств разрушения несколько шире: здесь и цапки (*zappe*), и топоры (*scuri*), и скампели (*scarpelli*), и ломы (*arieti*), и кувалды (они же молоты – *martelli*). Примечательно, что у Буйле инструменты названы в единственном числе (за исключением грейфера), тогда как у Бойто все они употреблены во множественном. Подобным приемом Бойто создает более масштабную картину разрушений, охватывающих весь город, в то время как внимание Буйле приковано к одному дому, что придает его стихотворению более камерный характер. Бойто создает практически зримую, наглядную картину разрушений, которые совершаются энергично и с размахом, причем дает еще и эстетическую оценку возводимым новым зданиям, находя украшающие их фризы «тошнотворными».

Стихотворение «Новые дома» впервые появилось только в сборнике «Книга стихов»; до того оно нигде не публиковалось. Это обстоятельство позволяет нам сделать предположение, что стихотворение могло быть написано позже, а датировано 1866 годом для того, чтобы создать впечатление, будто оно тоже относится к юношескому периоду творчества Бойто. Самым весомым аргументом в пользу этого предположения является метрическая структура стихотворения – «метрика необычная у Бойто, почти прозаическая» [3, 46], заметно отличающаяся от довольно традиционной строфики и метрики остальных произведений «Книги стихов». Кроме того, имеется еще одно сочинение,

общность которого со стихотворением Бойто столь очевидна, что предположение о том, что и оно могло послужить Бойто прообразом его «Новых домов», не кажется невероятным. Речь идет о стихотворении «Старые дома» (*Les vieilles maisons*) французского поэта Рене-Армана-Франсуа Прюдона (1839–1907), писавшего под именем Сюлли-Прюдом и ставшего в 1901 году первым лауреатом Нобелевской премии по литературе. Стихотворение «Старые дома» – название, антонимичное бойтовским «Новым домам», – входит в поэтический сборник Сюлли-Прюдона «Часы одиночества», опубликованный в 1869 году. Сюлли-Прюдом принадлежал к Парнасской школе, но, в отличие от других парнасцев, заявлял себя решительным позитивистом и пытался сочетать художественное постижение мира с научным; он является зачинателем жанра т. н. «научной поэзии» [11, 14]. Впрочем, «Старые дома» начинаются так, как могло бы начинаться стихотворение любого другого романтика [12, 197–200]. В лучших традициях романтизма Сюлли-Прюдом находит сильный поэтический образ, прибегая к сравнению старых домов со старыми людьми.

*Я не люблю домов, что новы:
От них исходит холод льда;
Тогда как старые – как вдовы,
Что, плача, ворошат года.*

*На лик морщинистый похожий,
Весь в мелких трещинках фасад,
А мутность окон в день погожий –
Как мудрый и печальный взгляд.*

У старых людей – все в прошлом, их жизнь на исходе, им остаются только воспоминания о прожитых годах, которые они бесконечно перебирают, и точно так же на исходе существование старых домов, жизни в которых больше нет, но оголенные стены которых хранят память о былом – о времени, когда их еще наполняла жизнь.

*Давно безжизненны альковы,
Звук голосов в их нишах стих,
Но вздохи, кажется, отцовы
Колышут тюль, сокрывший их.*

*Люблю очаг с трубой печною,
По ним и проникали в дом
То щебет ласточек весной,
То шум дождя осенним днем.*

И у Бойто, и у Буйле, и у Прюдона, помимо мотива покинутого дома – оставленного семейного очага, – есть еще один общий мотив: ласточек, что селились под крышами старых домов. Ласточки воплощают собой патриархальность старого жизненного уклада, они символизируют домашний уют и тепло. Ласточкам было приютно под сенью старых домов – домов, которые хоть и находились в городе, но своей архитектурой были обязаны еще тем домам,

что некогда строились в сельской местности: с высокой черепичной крышей и карнизами, в которых удобно было вить гнезда. Новые каменные дома – холодные и неприступные, с крытыми кровельным железом крышами – этой возможности уже не давали. Ласточки постепенно уходят из городов, а вместе с ними уходит из домов и городов патриархальная старина. Впрочем, это – символика чисто романтического порядка, а «научность» поэзии Сюлли-Прюдона проступает тогда, когда в девятой строфе стихотворения он вводит в повествование образ несущей балки – сплошной перекладины, которая несет на себе всю конструкцию дома. Эта сугубо реалистическая деталь, которая никак не могла бы появиться в романтической поэзии, является, несомненно, смелым нововведением автора.

*Но что милей моей печали,
Что взор всего сильней влечет –
Сплошная балка в главной зале:
Она все здание несет.*

С этой строфы балка становится основным элементом повествования, несущим на себе всю смысловую конструкцию произведения.

*Она несла достойно бремя,
Она по-прежнему тверда,
Хоть и над ней трудилось время –
Точили черви и года...*

Образ балки – это образ негибимой верности своему долгу, образ преданного служения, направленного на безукоризненное выполнение своего назначения; это образ того, что сопротивляется и противостоит и самому времени, и тем переменам, которые оно с собою несет. Автор дает понять, что несущая балка могла бы выполнять свой долг бесконечно долго и столь же долго могли бы служить людям и дома, которые она на себе несет. Однако, несмотря на это, она обречена: «дети» – то есть те, кто вырос в этих стенах у нее на глазах и ради кого она верно выполняла свой долг, уничтожат ее без колебаний.

*Но дети – детства мир оставляют,
Нет вечных ценностей у них,
Неблагодарные отправят
Ее в огонь вперед других.*

*Когда безжалостно сожженье
Свершится полностью, тогда
И память об ее служенье
Исчезнет с дымом навсегда.*

«Научность», т. е. достоверность поэзии Прюдона, проявляется в «Старых домах» и в том, что это стихотворение является своего рода документальным свидетельством того, каким образом совершалось в то время уничтожение старых домов. Оказывается, дома, освобожденные от людей и обстановки, просто сжигались, а пепелище расчищалось, что было обосновано в эпоху, не знавшую тракторов

и бульдозеров. В предпоследней строфе автор находит еще одно выразительное сравнение, вытекающее из всей логики повествования: от вещей, ставших ненужными, избавляются точно так же, как и от состарившихся, а потому уже неспособных выполнять свои обязанности слуг. Разница только в том, что вещи могли бы продолжать свою службу, но «детям», т. е. новым поколениям, они не нужны.

*Как, не колеблясь, выставляют
Уже состарившихся слуг –
На свалку вещи отправляют,
Что сделались ненужны вдруг.*

*Вот почему мне видеть больно,
Как жгут старинные дома:
Мне в пепле видится невольно
Сгоревшей их душа сама.*

Старые дома для Сюлли-Прюдона – сродни живым людям; у них есть своя душа: это дух времени, история и память поколений, и когда такие дома сжигают, ему представляется, что с ними сгорает и эта самая душа, что безвозвратно гибнет прошлое, и преемственность поколений пресекается.

Стихотворение Сюлли-Прюдона, как и Буйле, глубоко реалистично, но это реализм, берущий начало в романтизме, что типично для парнасцев, вышедших из лона романтизма, но пришедших к его отрицанию. Общность ряда мотивов и символов роднит, несомненно, «Разрушения», «Старые дома» и «Новые дома», но между стихотворениями французов и произведением Бойто имеется одна существенная разница, которую обнаруживают уже сами названия всех трех сочинений. И у Буйле, и у Сюлли-Прюдона речь идет только о *старых* домах, выражается острое сожаление по поводу их разрушения, а с ними – и гибели старины, тогда как Бойто касается и *новых* домов, которые возводятся на месте разрушенных. Бойто, как уже отмечалось, выражает отрицательное отношение к новостройкам, отзываясь о фризах, являющихся неотъемлемым атрибутом городской архитектуры второй половины XIX, как о «тошнотворных».

Интересно отметить и социальное звучание стихотворения Бойто, а это аспект, который уходил от внимания исследователей, обычно обходивших это сочинение Бойто стороной. Перечисляемые по этому рабочие инструменты – это атрибуты пролетариата, который с их помощью получает средства к существованию. Но выходит, что инструменты в руках рабочего класса служат делу разрушения, а создаваемое рабочими («новые дома») видится поэту уродливым, эстетически неполноценными. С другой стороны, Бойто не останавливается перед бранными эпитетами в адрес заказчиков «нового» – народившегося класса индустриальной буржуазии, земельных спекулянтов, строительных подрядчиков... Для Бойто они – «волки и свиньи» (первые

в нашем переводе заменены «шакалами»). Бойто, таким образом, отмежевывается от обоих классов, борьба между которыми будет определять развитие общества в эпоху капитализма от самого его становления в конце XIX века. Руками своего идейного противника – рабочего класса – буржуазия создает новый мир, эстетически неприглядный и даже уродливый, и эта подспудная идея поднимает стихотворение Бойто над сочинениями его французских собратьев по перу, делает его звучание обличительным, заостренно социальным, политическим. Отсюда и форма стихотворения, отличная от очень традиционной, «обкатанной», конвенциональной формы, которую придали своим стихотворениям Буйле и Сюлли-Прюдом, вследствие чего созданные ими строки получили звучание скорее элегическое, нежели подлинно протестное и бунтарское.

Возникает обоснованный вопрос. Почему это стихотворение, как уже упоминалось, исследователи творчества Бойто обходят, как правило, стороной? У Нарди в его капитальной монографии [13] и у Леонетти [14] оно не упоминается вообще. Наполетано [15, 25] и Дель Неро [3, 6] ограничиваются кратким упоминанием о нем, сделанным как бы «вскользь», а Маедер лишь приводит его название в списке стихотворений, составляющих «Книгу стихов» [1, 18]. Думается, именно социальный аспект делал это сочинение Бойто слишком неудобным, чтобы заострять на нем внимание. Политический момент тех общественно-политических формаций, которые существовали в Италии последние 150 лет (т. е. со времени создания стихотворения), делал рискованным вскрытие социального контекста этого сочинения. Нарди, Лионетти и Наполетано создавали свои монографии еще при фашистском режиме, когда «Новые дома» могли бы стать неудобной аналогией с предпринятой по инициативе Муссолини перестройкой Рима. В послевоенную эпоху, на фоне острых классовых противоречий и противостояния в итальянском обществе по принципу «правые – левые», социальный аспект стихотворения приобрел бы острую идеологическую окраску: для левых сил Бойто стал бы «реакционером», для правых – если не революционером, то лицом, сочувствовавшим левым... Сам же Бойто стоял в стороне от политики, а выявленный нами полити-

ческий аспект в его стихотворении сложился, надо полагать, случайно, помимо воли автора, как невольный отклик вдумчивого наблюдателя действительности за тем, что происходило в окружавшей его действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maeder C. Il real fu dolore e l'ideal sogno. Arrigo Boito e i limiti dell'arte / C. Maeder. – Firenze : Franco Cesati Editore, 2002. – 161 p.
2. Del Nero D. Arrigo Boito. Un artista europeo / D. Del Nero. – Firenze : Le lettere, 1995. – 198 c.
3. Quadrelli R. Poesia e verità nel primo Boito / R. Quadrelli // Boito A. Poesie e racconti. – Milano : Mondadori, 1981. – 264 p.
4. Roccatagliati A. Libretti d'opera: testi autonomi o testi d'uso? / A. Roccatagliati // «Quaderni del dipartimento di linguistica e letterature comparate», VI, Bergamo, Università degli studi di Bergamo, 1990, pp. 7–20.
5. Pompeati A. Arrigo Boito. Poeta e musicista / A. Pompeati. – Firenze : Luigi Battistelli, 1919. – 143 p.
6. Boito A. Il libro dei versi. Re Orso / A. Boito. – Torino : F. Casanova, 1902. 187 p.
7. Baudelaire Ch. Édition revue sur les textes originaux accompagnée de notes et de variantes et publiée par Ad. Van Bever / Ch. Baudelaire. – Paris : Georges Crès et Cie, Éditeur, 1917. – 449 c.
8. Flottes P. Baudelaire: l'homme et le poète / P. Flottes. – Paris : Librairie académique Perrin et Cie, 1922. – 229 p.
9. Oeuvres de Louis Bouilhet: Festons et astragales, Melaenis, Dernières chansons. Paris: A. Lemerre, 1880. 433 p.
10. Liebfeld A. Napoleon III / A. Liebfeld. – Warszawa : PIW, 1979. – 369 s.
11. Hémon C. La philosophie de m. Sully Prudhomme / C. Hémon. – Paris : Félix Alcan, Éditeur, 1907. – 464 p.
12. Poésies de Sully Prudhomme. Les épreuves. – Les écuries d'Augias. – Croquis italiens. – Les solitudes. – Impressions de la Guerre. 1866–1872. Paris : Alphonse Lemerre, Éditeur. 1872. 243 p.
13. Nardi P. Vita di Arrigo Boito / P. Nardi. – Milano : A. Mondadori, 1942. – 753 p.
14. Leonetti A. M. L'opera letteraria di Arrigo Boito e la critica / P. Nardi. – Napoli : Conte Editore, 1945. – 139 p.
15. Napoletano Lidia. L'opera poetica di Arrigo Boito / Lidia Napoletano. – Napoli : A. Morano, 1942. – 101 p.

Дальневосточная государственная Академия искусств

Сапёлкин А. А., заведующий кафедрой иностранных языков

E-mail: andral.59@mail.ru

Far East State Academy of Arts

Sapelkin A. A., Head of the Foreign Languages Department

E-mail: andral.59@mail.ru